

Натиг Расулзаде

Откройте, это я...

Натиг Расулзаде
Откройте, это я...

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Откройте, это я... / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

Роман о нелегкой жизни честного и порядочного таможенника, в одиночку борющегося с местными наркобаронами.

© Расулзаде Н.

© PEN-клуб

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Натиг Расулзаде

Откройте, это я...

(журнальный вариант)

Часть I

Пролог

Все началось 20 января 1990 года, в день, который впоследствии назвали «Черным январем». Этот день круто изменил судьбу Эмина, этот черный день для его страны, для его Родины, его родного города изменил и судьбу Эмина, и его самого. Ему было всего девятнадцать лет и учился он на втором курсе юридического факультета Государственного Университета. В тот день, когда в городе хозяйничали советские войска, убивая и давя танками мирных, невооруженных людей...

- Подожди! Дай лучше я расскажу.
- Но ведь автор – я.
- У меня лучше получится.
- У тебя лучше получится?!
- Да. Позволь, я расскажу.
- Неслыханное нахальство. Ну ладно, рассказывай.

Глава 1

Эмин

Тот день и в самом деле перевернул всю мою жизнь. Сейчас уже прошли годы, боль утихла, и многое становится ясным и известным со временем, а тогда я был мальчишкой, был студентом юридического факультета, мечтал стать в дальнейшем, после окончания настоящим профессиональным юристом, может, судьей со временем. Справедливым, настоящим судьей... Вы, наверное, думаете, что у нас это редкость, и справедливый судья – это нечто вроде ископаемых, вымерших мамонтов, но если на самом деле так думаете, то ошибаетесь, уверяю вас. Я может, хотел к тому же и сломать это устоявшееся в обществе обывательское представление о судьях, судах, прокурорах, судопроизводстве, чтобы знали: есть порядочные, честные, справедливые люди в этой области и их немало. Отец у меня погиб, когда мне было всего только семь лет, попал в аварию, шофер его был не трезв, выпил где-то в гостях, а отец не обратил внимания, привыкнув доверять ему, и их машина на скорости вылетела на вираже горной дороги, упала со скалы, взорвалась, и чтобы похоронить отца, его тело, можно сказать, собирали по кусочкам. Ему было тридцать семь лет. Меня вырастила мама, я у нее единственный, и потом она уже не выходила замуж, хотя была молода... Очень папу любила. Я его тоже любил. И вообще, у нас была дружная семья. Папа и мама открыто при гостях называли друг друга «милый», «милая», и меня, естественно, тоже. Это не очень было принято при людях, было редкое явление даже среди интеллигенции в нашем городе, непривычное, и, наверное, многие думали, что это просто показуха. Папа был прокурором, сначала в дальнем районе Азербайджана, потом его перевели в Баку. Мама здесь, в городе стала преподавать музыкальную грамоту в музыкальной школе, она окончила Консерваторию. А отец... Вот говорят – прокуроры такие-сякие, чуть ли не цены устанавливают на тяжкие преступления, что ж, разные бывают, бывают и вымогатели и взяточники, а бывают и глубоко порядочные люди в этой профессии, такие как мой отец. Когда он погиб, вы не поверите, столько людей пришли на похороны, как будто хоронили какого-то крупного государственного деятеля или народного поэта; даже из того дальнего района, где он недолго проработал, приезжали... Столько людей звонили, выражая соболезнование! А после того как вышли поминальные сорок дней с его смерти, к маме пришли двое уже пожилых мужчин со старухой, это их мать была. Старуха молча выложила на стол узелок, довольно большой, основательный, из келагая старухи был завязан, развязали его, а в нем – золотые кольца, серьги с камнями, браслеты и пачка денег; я такого никогда не видел, у меня, мальчика, глаза разбежались. Мама, не говоря ни слова, ждала объяснений, и тогда старуха сказала: «Это мои сыновья, три года назад их без вины хотели посадить, навесили на них предумышленное убийство, а твой муж докопался до истины, снял с них обвинение, хотя он-то, прокурор и должен был обвинять. Он не дал закрыть дело, заставил продолжить следствие, поменял жулика-следователя и спустя год нашли настоящих убийц... Моим детям грозил большой срок, а то и расстрел. Твой муж спас их, спас меня... Никаких подарков от меня он тогда не принял. Сейчас твое горе – это наше горе. Мы хотим помочь, возьми это, не обижай нас...». Мама, конечно, тоже не взяла, поплакали они со старушкой, припав друг к дружке, а мужчины, здоровенные лбы, стояли, не зная, куда себя деть, переминаясь с ноги на ногу. Один подмигнул мне, до сих пор помню его испуганные глаза, виноватое лицо, а тут подмигнул мне семилетнему мальчишке, и сразу лицо его преобразилось, стало добрым, мягким. Видно, и папа чувствовал, что человек с таким добродушным лицом не может совершить тяжкое преступление...

Сколько в ту пору для нас с мамой открылось нового в покойном отце, который редко говорил с мамой о своей работе; сколько людей навещали нас, чтобы поддержать, помочь в трудные дни, протянуть руку, как в свое время протянул им руку помощи мой отец. Конечно, мы при отце не бедствовали, он хорошо зарабатывал, и Аллах помогал ему, как любила говорить мама. Вот так мы жили, а после смерти отца нам пришлось несладко. Но я хорошо учился и поступил после школы на самый престижный в то время факультет, да и во все времена он был престижным. Мама так захотела – чтобы я стал продолжателем дела отца. И хоть в одно время, еще при Советском союзе у нас было негласно запрещено поступать на юридический детям судей и прокуроров, потому что эта традиция принимала уже уродливые формы: семьи, отцы заставляли мальчиков – хочешь, не хочешь ты должен закончить юридический, как твой отец и стать прокурором, идти по проторенной дорожке (как в индийских фильмах – сын вора должен быть вором, а сын прокурора – прокурором), но ко времени моего поступления в Университет этот запрет постепенно утерял свою силу; да еще для меня делали некоторые поблажки, не старались завалить на экзаменах, так как отца знали все вплоть до руководителя нашей республики. Но надо сказать, что и поступал я без всяких протекций, без блата, без «тапша», как у нас говорят, своими силами. Да и сил у меня было достаточно, подготовился основательно и набрал самые высокие баллы. Стал студентом, чем очень гордился.

Но на втором курсе настал январь девяностого...

* * *

К тому времени я встречался с первокурсницей из нашего Университета. Мы услаивались о встрече после занятий, ходили в кино, в кафе, просто бродили по бульвару, по центральной улице нашего города, иногда заходили к приятелям посмотреть фильмы по видео, болтали, молчали...

Время было напряженное, невеселое, начинало разваливаться то время и то пространство, в котором жили наши родители и в котором прошло наше детство, а мы пока даже не понимали – хорошо это или плохо; мы еще были так молоды, не успели привыкнуть к прошлому и не боялись будущего, каким бы оно ни предстало перед нами.

Она была несколько взбалмошной, сразу видно – единственный ребенок в семье – мило капризничала, порой не совсем умело кокетничала, но все в ней мне нравилось, даже когда она всерьез, надув губки, сердилась на меня, не желавшего исполнять её дурашливые капризы... И я постепенно, кажется, так же как и она, начинал влюбляться в неё... Нармина. Нара... Отец у неё был какой-то крутой, из тех, которые только-только начинали входить в моду: он сразу влился в деловую струю дельцов-бизнесменов, воспользовавшись разрушающимся строем и снятием многих запретов, и стараясь выгодно продать обломки этого разрушения. Я не очень вдавался в подробности, ничего у нее не выспрашивал про отца – кто он конкретно, чем занимается, она сама рассказывала, когда хотела... Мне нравилась она, а не ее отец, и я хотел бы жениться на ней, а не на её семье.

Глава 2

Нармина

Мне сразу понравился этот мальчик-второкурсник. Девочки тут же заметили наши взгляды, что мы часто бросали друг на друга, и стали хихикать. Но я порой не могла оторвать взгляда от его лица. До неприличия назойливо смотрела, но вы бы его видели, тоже бы смотрели до неприличия... У него было такое лицо... Ну, как бы это сказать?.. Нельзя было назвать его красавцем, да и не это было главным в нем, он даже не был эффектным, чтобы привлечь внимание, но в лице его, во всем облике было столько благородства, столько достоинства, черты его лица были... ну, как бы это сказать?.. Лицо настоящего потомственного бека, утонченного аристократа, дворянина, вот такое у него было лицо. Он держался, как английский лорд, говорил всегда с мягкой, добродушной улыбкой, не повышал голоса, не размахивал руками, как многие мальчишки на нашем курсе, которые, даже рассказывая анекдоты, визжали как поросята. Он во всем отличался от всех окружающих, потому и привлекал внимание, потому и мое внимание привлек. Я потом узнала, что он вырос сиротой, лет в шесть, кажется, потерял отца, и такая жалость охватила меня, такое до сих пор неизвестное мне материнское чувство вдруг проснулось во мне к нему. Я и не подозревала, что так могу переживать и чувствовать. И знакомство наше произошло очень традиционно, ничего оригинального, необычного, как я мысленно себе представляла много раз: вот пожар в нашем Университете, и он выносит меня на руках из огня. Смешно, правда? Мне самой смешно, что я могла о подобном думать. Детские глупости. Нет, все было, конечно, не так...

Однажды на перемене в коридоре Университета, он подошел ко мне и просто спросил:

– Можно с вами познакомиться?

Я совершенно растерялась, и, слава Богу, не ответила – «нет». Второй раз он вряд ли подошел бы после отказа. Потом я, как всегда бывает, когда волнуюсь, моментально побледнела (ненавижу себя за это, сразу все понимают, что я волнуюсь), и пролепетала, изо всех сил стараясь быть более оригинальной, чем он:

– Мы же почти знакомы... Вместе учимся.

Слово «почти» у меня вышло от волнения как «потчи», и я готова была сквозь землю провалиться, но он сделал вид, что не заметил. Я не ошиблась – он был настоящий интеллигент: делал вид, что не замечает твоих промахов, волнения, не старался этим тыкать тебе в глаза, как многие, получающие непонятное удовольствие от твоей растерянности, и на фоне твоей растерянности кажущиеся самим себе очень опытными, пожившими, хотя ровесники...

Так мы познакомились...

В тот же день он провожал меня домой. У него была своя машина, старенький «жигуленок», он распахнул передо мной переднюю дверцу таким жестом, как будто это был «Ролс-ройс», а не «Жигули», и я села в его машину так, будто это и был «Ролс-ройс».

– Эта машина от отца мне осталась, – пояснил он, когда мы тронулись, – Ей уже пятнадцать лет.

– Для собаки это уже старость, – сказала я, пытаюсь шутить; я уже немного освоилась с ним и не волновалась.

– А для осла пенсионный возраст, – подхватил он шутку.

Мы похихикали вместе, и это тоже на шаг сблизило нас. Я заметила: ничто так быстро не сближает людей, как общий смех, общее веселье. Потом он рассказал короткий несмешной анекдот, вполне приличный. Похихикали еще раз.

– Вообще-то, – вконец распоясавшись, заметила я, – Самые смешные анекдоты как раз неприличные. Это всегда смешнее. Соленые шутки. Понимаешь, да?

– Ах, так! – сказал он, – Ну тогда держись...

Мы поехали на красный свет и чуть не врезались в микроавтобус. Водитель, высунув голову из окна, проорал матерное ругательство.

– Хам, – спокойно сказал Эмин, – Невоспитанный хам.

– Фильм Данелия «Не горюй!», – сказала я, – Угадала?

– Ты смотри! – воскликнул он, – Не ожидал, совсем не ожидал, совсем, совсем...

– Устанешь, – сказала я. – Остановись.

– Ты права, – сразу же подчеркнуто-покладисто согласился он, – Так вот, заткни уши, и я расскажу тебе неприличный анекдот.

– Давай. Я все равно ничего не слышу с первой мировой войны, – сказала я.

– Но ты не выглядишь такой старой...

– Ты будешь рассказывать, или применить санкции?

– Я только собирался рассказать неприличный анекдот, как тот невоспитанный хам за рулем неприлично выругался...

Ну и так далее... Между нами сразу установились такие приятельские, шуточные отношения. Поначалу мы всё старались перевести в шутку, порой даже ёрничали, будто боясь остаться наедине со своими чувствами, будто стесняясь показать их друг другу... Но что интересно они, эти шуточные отношения стремительно отгеснялись серьезными чувствами. И у меня, и у него. У нас были одни и те же любимые фильмы, любимые книги, любимые песни и поп группы, любимые запахи, любимые цвета. Это просто невероятно – столько у нас было совпадений! И, видимо, это тоже помогало нам чувствовать себя двумя половинками одного целого... Мы с головокружительной быстротой влюблялись друг в друга, вопреки утверждениям, что как раз разнохарактерные люди быстрее сближаются, мы уже дня не могли прожить, не видя друг друга, короче – налицо были все атрибуты юношеской влюбленности, но было и нечто большее, и мы оба это чувствовали, и не могли этому противиться. Не могли и не хотели. И не прошло и двух месяцев со дня нашего знакомства, как влюбились по уши друг в друга.

– Будто сто лет тебя знаю, – говорил он, – Это как в тюрьме строгого режима: год за два.

– Неудачная шутка.

– Близкая к профессии. Все-таки, я будущий юрист. Буду шастать по тюрьмам. Тюрьма – дом родной.

Мы уже по-настоящему любили друг друга, сидели по темным углам в парках, целовались на последних рядах в кинотеатре, но ничего лишнего он не позволял себе. Как раз в эти дни как-то мама сказала мне, что к нам собираются гости: папин приятель с сыном. И сын хотел бы познакомиться со мной. Я сразу поняла, в чем дело. Подняла дикий скандал, закатила истерику, убежала в слезах из дома, и на улице позвонила Эмину.

* * *

В городе уже было очень беспокойно. Начинались волнения, прибывали толпы беженцев, раненные, истерзанные, которых армянские националисты и их боевики прогнали из родных мест в нашей же республике, отобрали дома, стремительно разворачивались страшные события... Но я была далека от всего, что происходило, я жила только им, жила своим чувством, своей любовью, лишний раз доказывая этим старую истину, что любить можно в любой ситуа-

ции, что любовь выше всяких ситуаций и положений в обществе... Однако, что бы там ни было, мы жили не в безвоздушном пространстве, жили среди людей, и положение было довольно напряженным, и с этим нельзя было не считаться...

Он сразу примчался после моего звонка, и я ему все рассказала. Было уже поздно, мои родители уже, наверное, с ума сходили, а мы гуляли с ним по городу, изменившему свой жизне-радостный облик, ставшему неприятным, мрачным, с толпами несчастных, оборванных, бездомных беженцев на улицах, которым некуда было деваться, и которые пришли искать здесь убежища и справедливости. Мы тоже мрачные, печальные бродили по улицам, и тут он сказал мне:

– Я умру без тебя. Я умру за тебя.

– Я умру за тебя, – сказала я, – Я умру без тебя.

Мы впервые говорили друг другу такие слова, мы сцепили пальцы рук, и это было что-то вроде нашего обручения.

– Докажи! – вдруг сказал он, и в зеленых кошачьих глазах его загорелись незнакомые мне, пугающие искорки.

– Как доказать? – растерялась я, не понимая.

– Как доказать? – спросил он, будто испытывая мою сообразительность.

Мы как раз проходили мимо бассейна с фонтаном в парке. Фонтан, конечно, не работал, не до фонтанов было, но бассейн был заполнен водой до краев и был довольно глубокий. Стояла зима, было холодно. Сердце мое почуяло неладное. И тут он прыгнул в бассейн, ушел моментально на дно. Я дико закричала. На мой крик прибежали прохожие. Мне показалось, что он пролежал на дне целую вечность, и целую вечность я кричала, не в силах двигаться, оцепенев от страха. Его кое-как вытащили. Он чуть не захлебнулся, с него ручьями стекала вода. Люди не понимали, что случилось, спрашивали меня, но я не отвечала, и постепенно все разошлись, оставив его сидеть, дрожа от холода, на краю бассейна. Я стояла рядом с ним, не зная, что делать. А он, отдышавшись, спросил:

– Хорошо я доказал?

Тут я опомнилась и влепила ему затрещину.

– Идиот! Кретин! – закричала я, плача, – Ты напугал меня!

Он насильно привлек меня к себе – с головы до ног был мокрым – и стал целовать, осыпал меня поцелуями. Я отстранила его, разрыдалась. И тут я поверила, что он на самом деле готов умереть за меня.

А через четыре дня наступило двадцатое января. Шел 1990 год...

Глава 3

Эмин

Я был на улицах, до самого утра. Видел все своими глазами. Войска, советские войска, на которые мы все привыкли полагаться, стреляли в безоружных, мирных людей, давили танками людей в машинах, стреляли по окнам домов, убивая людей в собственных квартирах. Я был на улицах. Мама и Нармина с ума сходили, я знал. Чуть ли не каждые четверть часа они перезванивались, в надежде, что кто-то из них узнал обо мне новости. Я знал, что они сходят с ума, но я не мог уйти с улиц. И много таких, как я вышли на улицы, безоружные, с голыми руками, против танков, против вооруженных до зубов отборных карателей, вышли, чтобы довести свой бессильный протест до этих солдафонов. Мы помогали раненым, доставляли их в больницы; один старик, раненный в живот из автомата, скончался у меня на руках, когда я хотел отнести его в ближайшую больницу. Я был весь в крови, в чужой крови, в крови моих соотечественников, моих сограждан. В ту ночь в моем городе, как потом выяснилось, погибло около ста сорока человек и ранено было больше восьмисот. Были и дети среди них, и старики, и молодые люди.

Когда под утро я пришел домой, мама увидев меня в крови, чуть сознание не потеряла. Я не мог говорить. Не мог отвечать на её вопросы, я был в шоке, прошел в комнату и повалился в кресло. Я не мог понять, что она спрашивала, трогая меня, мою одежду, пачкая руки о чужую кровь. Позже появилась Нармина, я не понимал, откуда она, зачем она здесь. С ней был провожатый, какой-то мужчина, кажется, их шофер. Он безучастно стоял, прислонившись к косяку двери. Нара и мама плакали, теребили меня, забрасывали вопросами. Прошло, кажется не меньше часа, пока я не пришел в себя окончательно, увидел их дорогие лица, услышал голоса, вспомнил все, что было ночью... И тут что-то словно прорвалось во мне, я заплакал, как ребенок. Тогда они обе как будто успокоились, стали гладить меня по голове, как маленького. Потом Нармина ушла с провожатым, мы остались вдвоем с мамой...

* * *

Мы продолжали встречаться с Нарой, продолжали любить друг друга. Но я после той ночи стал будто другим человеком, часто задумывался, отвечал невпопад, подолгу молчал с Нарой, но она во всем понимала меня... Из меня – как вам сказать – из меня будто кровь выпустили, я все время мучительно обдумывал свое дальнейшее поведение, свою дальнейшую жизнь, и понял: чтобы уважать себя дальше, не быть всю оставшуюся жизнь в разладе с самим собой, я должен что-то делать, я не могу бездействовать в данной ситуации...

А когда я это понял, я принял твердое решение, переменить которое меня никто бы не смог заставить...

* * *

Вокруг разворачивались страшные события, разворачивалась полномасштабная война между моей страной и соседней республикой-агрессором. И через год, осенью 1991 года я уехал на фронт, примкнул к ополченцам, которые были в основном выходцами из Карабаха и Агдама.

* * *

– А ты хоть стрелять умеешь? – спросил меня один из ополченцев, мужчина лет под сорок, когда мы ехали в кузове грузовика, чтобы остановить врага.

– Немного умею, – ответил я хмуро.

– Немного, – недовольно хмыкнул мужчина. – Этого недостаточно.

– Научусь, – пробормотал я.

Мужчина покачал головой, непонятно, то ли осуждая мой ответ, как военный профессионал (он, как потом выяснилось, был майором запаса), то ли одобряя мой поступок, что я, тем не менее, здесь, вместе с ними, кто умеет стрелять.

– Ты среди нас самый молодой, – сказал он, – Сколько лет?

Я ответил.

– Чем занимался?

– Был студентом.

– Был? Что, выгнали?

– Зачем? Сам ушел.

– Сам ушел? Просто взял и бросил, да?

– Ну, вроде того...

– А где учился?

– Не все ли равно?... Где учился, там меня уже нет.

Он помолчал, изучающе рассматривая меня. Мне стало неловко под его взглядом, я отвернулся.

– Да, ты не очень разговорчивый... Короче – держись меня. Какой-никакой, а опыт имеем... И стрелять тебя научим. Понял? Одно тебе скажу – не лезь на рожон. Глупо погибнуть – это не геройство на войне, геройство – живым остаться, и врага уничтожить. Понял?

Мне он понравился, сразу было видно – вояка, и в дальнейшем я оказался прав, он был храбрым солдатом, и мы с ним вскоре сдружились.

Осенью 1991 года я вступил в Агдамский батальон, который тогда только-только был сформирован...

* * *

– Хорошо, а мама? А Нармина? Они так легко отпустили тебя? Ты об этом ни словом не обмолвился. Что ты им сказал?

– Этого я тебе не скажу.

– Ну и не говори. Я и так знаю. Все-таки, я – автор, я тебя создал, то есть – создаю. Так что, можешь помолчать. Я тебе еще дам слово.

* * *

Когда Эмин объявил матери о своем решении, она так перепугалась, что выронила из рук стакан с чаем, что несла ему.

– Что? Что ты сказал?

– Да, мам, ты не ослышалась. Я пойду сражаться, – сказал он твердо, чтобы заранее пресечь все бесполезные уговоры, которые могли бы возникнуть.

– Эмин, – еле слышно пролепетала она, объятая страхом, зная его решительный, непреклонный характер, – Эмин...

– А кто, по-твоему, должен защищать нашу землю? – более мягко сказал он.

– Но ты, ты ведь еще совсем мальчишка... Извини, я хотела сказать, ты ведь не военный, ты не обучен.

– Там всему быстро учишься. Знаешь, самый быстрый способ научиться плавать? Кинуться в воду... инстинкт научит...

– Ты говоришь глупости, дорогой. Это не спорт... Какая вода? О чем ты?... Это война. Ты даже не знаешь, ты ничего не знаешь... Никогда не держал оружия в руках...

– Держал, держал, и даже стрелял.

– Эмин, я прошу тебя, обо мне подумай, – Не придав значения его словам, продолжала она, – У меня больше никого нет... Подумай о Нармине, вы же любите друг друга... Что с нами будет, если, не дай Бог... Отсохни мой язык!

– Мама, ты говоришь фразами из заурядных фильмов, – усмехнулся Эмин, и тут же пожалел о своих словах, подошел к матери, обнял её, и так, не выпуская из объятий, ласково проговорил, – Ну, что ты, ма, не плачь... Пойми, я не могу бездействовать в такое время... А кто должен? Сейчас не время прятаться за спинами матерей и невест. Ты бы видела, как двадцатого вели себя на улицах наши люди, вот они – настоящие герои. Под пулями, небооруженные, вытаскивали раненных... Э! Что говорить!.. Я смотрел на них и тоже становился смельчаком. Если каждый здоровый молодой человек будет отсиживаться дома, мотивируя это тем, что он студент, или какой-то нужный сотрудник, то кто же будет сражаться за нашу землю?

– Но посмотри вокруг – отсиживаются же... Много ли твоих сокурсников хотят идти сражаться? – не находя больше доводов, устало проговорила мать.

Эмин долгим взглядом посмотрел на нее. Она опустила глаза.

– Ты считаешь, я должен быть похожим на них?

Мать промолчала, слезы подступали к горлу, ей трудно было говорить, трудно было возразить ему.

– Я тебе одно скажу, – произнес он, – Если б папа был жив, он бы одобрил мой шаг.

На это мать ничего не ответила, но спустя некоторое время, когда он в молчании стал собирать вещи в свой походный рюкзак, тихо спросила:

– А что говорит Нармина?

– К сожалению, то же что и ты... А мне так нужна была ваша поддержка, и твоя, и её...

Прошло несколько минут в молчании.

– И это все, что она говорит?

– Да.

– Это все, что она тебе сказала?

– Еще сказала, что будет ждать.

Мать вздохнула, некоторое время рассеянно наблюдая, как он собирает вещи.

– Дай помогу, – сказала она, отбирая из рук у него вещи и укладывая заново в рюкзак, – Полотенце нужно класть сверху, – сказала она и вдруг заплакала, беспомощно опустив руки, в одной – полотенце.

Он не стал на этот раз успокаивать её – пусть поплачет, легче станет.

– Мы обе будем ждать тебя, – сказала она, вытирая мокрые глаза его полотенцем, – Храни тебя Аллах!

* * *

Он ехал в кузове грузовика среди других тридцати двух ополченцев, обросших бородами, с угрюмыми лицами. При ближайшем знакомстве многие из них оказались выходцами из Карабаха, из Агдама, большинству перевалило за сорок. «Почему так? – спрашивал себя Эмин, делая несколько поспешные, скороспелые выводы, приглядываясь к этим людям, среди

которых не было ни одного его сверстника, – Почему так, будто в этой войне должны участвовать только карабахцы? Разве это не общая наша беда, не общая наша война, разве не всех азербайджанцев касается?»

Эти вопросы не давали ему покоя, даже здесь, в грузовике под колючим ветром, и здесь же в возникшем вскоре разговоре он высказал их.

У него несколько раз интересовались – не из Карабаха ли он родом?

– Я – азербайджанец! – сердито и несколько выпренне отвечал Эмин, и злился на себя за этот мальчишеский тон.

– А мы кто, по-твоему, армяне? – добродушно спросил у него мужчина, стоявший рядом, – Все мы азербайджанцы.

– А зачем же тогда нужно уточнять, откуда я родом, карабахский, или нет? – запальчиво проговорил Эмин.

Мужчина промолчал, но другой, стоявший тут же, впритирку с Эмином, после недолгого молчания, невнятно, с горечью пробормотал:

– Потому что, это у нас как болезнь, как беда – выяснять, откуда ты родом, и на этом уже строить свои отношения с этим человеком...

Эмин с уважением посмотрел на него. Мужчина был прав, но как хорошо, одной фразой объяснил он это, а с виду – простой рабочий, ну, может и не рабочий, просто – трудяга с натруженными крепкими руками: было видно, когда он подносил ко рту сигарету.

– Там, у нас, в Баку, – продолжал мужчина неторопливо, будто стараясь уяснить что-то важное сначала лично для себя и размышляя вслух, – На площади Свободы собираются каждый день, огромная толпа беженцев, с трибуны умные люди выступают, интеллигенты, – это слово как показалось Эмину, мужчина произнес с некоторой иронией, даже, может, с издевкой, – Говорят эти интеллигенты красивые слова, поднимают дух народа, призывают к сплоченности, а спросить их – чей сын готов идти сражаться, не прятаться за красивые, патристические слова своих отцов, а быть настоящим патриотом, на деле патриотом? Сразу же попрячут своих сынков, отправят учиться за границу, или достанут им липовые справки о слабом здоровье... Вот ты, например, чей сын?

Эмин не сразу понял, что вопрос адресован именно ему, потом сказал:

– Сын своего отца.

– Хе! – одобрительно улыбнулся первый мужчина, – Хорошо сказано! А тебе хватит тут демагогию разводить, – обратился он к другому мужчине, – Это их дело – пусть говорят красиво, а мы будем сражаться. И таких, как мы, слава Аллаху, немало в Азербайджане, постоим за свою родную землю.

Он это так просто сказал, будто просил передать ему сигарету. Эмину очень понравился этот мужчина, да и все, кто ехали с ним были, по всей видимости, крепкие ребята, умеющие воевать. Но в то же время он чувствовал разобщенность людей, неумение собраться в один кулак, отсутствие лидера, который бы их сплотил в одну силу в нужную минуту и в дальнейшем, испытанное невзгодами войны это сплочение осталось бы на всю жизнь. Да и здесь, где все тесно сгрудившись, ехали плечом к плечу в кузове грузовика, многие его попутчики, а в скором времени соратники, братья по оружию порой поглядывали на него с некоторым недоумением, словно подтверждая его мысли о всеобщей разобщенности, смотрели на него косо, как на белую ворону, случайно залетевшую в их черную, угрюмую стаю.

«А с другой стороны, может именно такая разобщенность и говорит и свидетельствует о величии нации, – пришла вдруг ему в голову парадоксальная мысль, – Ведь великаны никогда не собираются в стаю, это только для лилипутов характерно – собраться огромной толпой и напасть на великана, и отнять у него его землю. Ведь в наши дни ни в одной из цивилизованных стран, скажем, Европы, никогда не возникает мысли захватить чужие земли, подтасовывая

факты и называя эту землю своей, или, может, я не прав? Возникает? Но это уже большая политика, я в этом не разбираюсь...»

Его мысли прервал вопрос мужчины, разговаривавшего с ним.

– А ты хоть стрелять умеешь? – спросил тот.

– Научусь, – хмуро ответил Эмин, – Вообще, немного умею. Мы военное дело проходили. Мужчина покачал головой, то ли одобряя ответ, то ли не очень. Но при всеобщей качке здесь, в кузове грузовика, его жест неодобрения не очень был заметен.

– Сначала научись, как бы по-глупому не погибнуть, – проговорил он, отворачиваясь от ветра и закуривая сигарету.

Эмин ничего не ответил. Здесь, как он понял, не любили многословных болтунов, и он решил придержать язык.

– Я тебя научу, – неожиданно, после затянувшейся паузы, сказал мужчина, – Всему обучу. И стрелять, и на пулю не нарваться.

Эмин с благодарностью кивнул ему.

– А насчет того, что только карабахцы идут сражаться за Карабах ты ошибаешься... Уж я то знаю... Идут сражаться настоящие мужчины, а их в нашем Азербайджане, слава Аллаху, немало... И среди тех, кто идет под вражеские пули за свою землю, никто не выясняет, откуда кто родом... Не это для них главное. Так просто – интересуются... Не принимай близко к сердцу, – и он открыто, добродушно улыбнулся, – Вот так вот, – сказал мужчина и будто точку поставил в сомнениях Эмина.

* * *

Осенью 1991 года Эмин вступил в Агдамский батальон, который только был сформирован, и принял участие в контрнаступлении...

– Я это уже говорил.

– погоди, сейчас дойду до того, что ты не говорил и не хочешь сказать.

– Не говори про это. Это личное. Это навсегда останется со мной.

– Ладно, помолчи.

* * *

Он принимал участие в контрнаступлении. Мужчина, с которым он познакомился в грузовике (звали его Араз), опекавший его и учивший все это время всяким военным премудростям, и главное – научивший быть готовым в любое время суток к любым неожиданностям – был майором запаса, они очень сдружились. Пришелся по сердцу матерому вояке храбрый мальчишка, и он считал своим долгом оберегать своего юного друга, чтобы он без надобности не лез на рожон. «Осторожность красит джигита, – любил повторять ему Араз мудрое старое изречение всякий раз, когда в очередном бою замечал бешеные искорки боевого азарта в кошачьих глазах Эмина, – Будь хладнокровен и спокоен. Тогда многого добьешься в бою.»

Эмин быстро все схватывал, чему учил его Араз, да и инстинкт многое подсказывал, и он вскоре научился выживать в самых неожиданных и опасных ситуациях. Стрелять он с первых же дней научился отменно, ползал по-пластунски, вжимаясь в землю (родную землю, – стучало в голове, – она не выдаст, спрячет, избавит от опасности), гранаты кидал метко; и однажды даже ухитрился спасти жизнь своему старшему товарищу, свалив его на землю и прикрыв своим телом, когда вражеская граната, не замеченная Аразом должна была вот-вот взорваться за его спиной, чем очень удивил боевого вояку, в глазах которого прочитал неподдельное уважение. Ни слова потом не сказали они друг другу по этому поводу, но взгляд Араза надолго

запомнился Эмину и это было для него высшей похвалой и наградой. А после того случая они еще крепче сдружились, и это была настоящая мужская дружба, проверенная огнем боев. А через некоторое время (на войне для Эмина все дни и ночи сливались, и ни дней, ни недель он не считал), во время отступления их батальона перед превосходящими силами противника (в ряды которых были привлечены много наемных профессиональных убийц), Араз, раненный попал в окружение; шестеро или семеро до зубов вооруженных врагов шли с разных сторон на него, истекавшего кровью, не имевшего сил подняться со дна маленького овражка; подходили, признав в нем офицера и желая захватить в плен. Видел из засады Эмин, как приближались бандиты к его товарищу... Тут инстинкт, который оберегал его все это время на линии огня, отказал ему... Он вскочил на ноги, стал поливать их очередью из автомата, но и спокойствие в бою, которому учил его боевой товарищ, тоже отказало ему; от волнения и страха за друга руки у него тряслись, ни одна пуля из выпущенной очереди, не достигла цели, а ответным огнем и брошенной гранатой ранили Эмина, он упал на землю, теряя сознание, и последнее, что он видел – это вспышка от взрыва гранаты, которой подорвал себя Араз, подорвал себя вместе с бандитами, уже подошедшими к нему вплотную. Товарищи, отстреливаясь от врага, вытащили Эмина, унесли в безопасное место, но, придя в себя, он вспомнил вдруг, как погиб его друг, а он ничего не смог сделать; крик застрял в горле Эмина, непривычные, забытые в боях слезы подступили к горлу, выхлестнулись из глаз, он сотрясаясь от плача, а солдаты не говоря ни слова, сидели, опустив головы, потеряв опытного командира и глядя как беспомощно, по-ребячьи плачет их боевой товарищ, который, несмотря на молодость, всегда показывал им примеры храбрости в самых опасных ситуациях...

В этом бою Эмин был ранен в ногу, доставлен в тыл; пуля не задела кости, и хирург без особого труда извлек её из раны. Пуля была из автомата «Узи», как определили спецы. После ранения, Эмин, немного хромя и опираясь на палку, вернулся домой.

* * *

– Ты можешь продолжать. Я рассказал главное, что ты не мог и не хотел.

Эмин

Да. Я вернулся. Время было тяжелое в нашем городе, в моем родном, любимом городе, в нашей стране.

А в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое февраля 1992 года произошла Ходжалинская трагедия. Кровавая расправа армянских вооруженных отрядов подкрепленных 366 мотострелковым полком армии бывшего Советского союза, расправа над мирным населением, над стариками, женщинами, детьми...

Детьми...

В течение одной ночи в Ходжалы, расположенный между Ханкенди и Аскераном было уничтожено шестьсот тринадцать мирных жителей, в том числе:

Шестьдесят три ребенка,
Сто шесть женщин,
Семьдесят стариков.

Ходжалинцы были убиты с особой жестокостью и изуверством профессиональных убийц – им отрубали головы, выкалывали глаза, беременным женщинам вспарывали животы...

В дальнейшем эти страшные фотографии убитых детей и стариков, заставлявшие содрогаться даже меня, немало повидавшего на войне, даже моих боевых товарищей, обошли весь мир.

Но мир молчал...

Армянская хорошо отлаженная агитационно-информационная машина, умело сеявшая ложь и клевету в адрес нашей страны по всему свету, и тут бесстыже и подло делала свое мерзкое дело...

Мир закрывал глаза на вопиющую трагедию нашего народа, на геноцид, сравнимый разве что с самыми жестокими и кровавыми расправами над мирным населением в Хатыни, Хиротсиме, которые ему были уже известны, но не исправили его, этот жестокий мир, молча наблюдавший, как истекает кровью мой народ...

И тогда я получил уроки ненависти, научился по-настоящему ненавидеть, ненавидеть врага, ненавидеть зло, которое несет с собой война, ненавидеть людей, или, точнее – нелюдей, что приносят зло на нашу землю, нашему народу...

* * *

Я вернулся, раненный физически и с израненной душой...

Видимо, я не был создан для войны. Но с другой стороны – разве может быть нормальный человек создан для войны? Стремиться убивать, разрушать, захватывать чужие земли, уничтожать людей другой национальности, другой веры, убивать детей?

И я изменился, я вернулся совсем другим человеком. Война на многое открыла мне глаза. Я уже не верил словам доморощенных краснобаев, многие из которых на народном горе, на беде, на войне зарабатывали себе политическую популярность, строили свою карьеру, не верил политикам; вчерашние верные коммунисты стали такими же верными демократами и пеклись о благополучии народа. Я не слушал их, вспоминал своих боевых товарищей, вспоминал погибшего у меня на глазах, а может и по моей вине Араза, и не мог долгое время себе этого простить, простить, что не вовремя расслабился, дал волю эмоциям, вместо того, чтобы хладнокровно расстреливать врага. И это лишний раз доказывало, что я не был создан для войны, но, тем не менее, я считал своим долгом сражаться в трудную для моей родины минуту, защищать свою землю.

Я это сделал, и делал бы до конца, если б не получил ранения и не был бы вынужден вернуться...

Воспоминания жгли меня. Я вспоминал часто по ночам и не мог заснуть, лежал с закрытыми глазами, чтобы не давать маме, которая порой тихо входила в мою комнату, повода для лишних расспросов. Она немного постояв, поглядев на меня, боясь даже вздохнуть, так же тихо уходила; и мне хотелось бы поговорить, успокоить её, что с её сыном все в порядке, все будет в порядке... Но говорить мне сейчас, отвечать на вопросы было тяжело, я избегал людей, мог видеть только близких, только близких, по которым очень соскучился, но даже с ними общаться мне было крайне болезненно.

Глава 4

Нармина

Он вернулся. Надо ли говорить, что время, в течение которого я его ждала, состояло не из дней, недель и месяцев, а из минут. Каждую минуту я думала о нем, умирая от страха за него, умирая от волнений и беспокойства. Отец в это время очень активизировался, видимо, отъезд Эмина на фронт был ему на руку, был просто подарком для него. Он стал более активно, чем при Эмине уговаривать меня, чтобы вышла замуж за сына его друга, какого-то высокопоставленного шишки, а сыну шишки было ни много, ни мало – за сорок. Впрочем, мне не было никакого дела до его возраста, до их высокопоставленности, пусть хоть стариком будет, пусть хоть младенцем будет, пусть хоть звездой Голливуда будет! Мне-то что!? Так я Кязыму и сказала. Мама была на моей стороне, но отец рычал на неё, и она покорно помалкивала, но наедине говорила мне: «Кажется, не нищие какие-нибудь, с голоду, слава Аллаху, не помираем, все есть у нас, все есть и даже с избытком, дом – полная чаша, казалось бы, могли позволить единственному ребенку выйти по любви, пусть будет счастлива! Да и мальчик из приличной семьи, про отца его легенды ходят, хоть и умер молодым, такое доброе имя после себя оставил, что только оно одно больше всякого капитала... Пусть бы выходила, мальчик хороший, так нет же, все есть, а ему еще больше хочется, породниться с сильными мира мечтает, завел себе каких-то подозрительных друзей, даром, что высокие чиновники... Так при этом правительстве, что высокий, что... Ладно, помолчу... А парень вдвое её старше, разве так можно, конец света, что ли?...» Так она ворчала, но при отце высказывать свои мысли опасалась, говорила только мне.

Но однажды я не вытерпела и во время очередного разговора на эту тему категорически заявила ему, чтобы он раз и навсегда выбросил из головы эти мысли о моем замужестве с кем бы то ни было, кроме Эмина. Даже пусть не думает уговорить, уломать меня – покончу с собой! А его буду ждать столько сколько нужно.

И дождалась. Вернулся. Был ранен. Немного хромал, говорил, что восстановится, врач уверял, что хромота постепенно, со временем пройдет. Ходил пока с тростью, я – рядом, иногда опирался на меня. А я шагаю, поглядываю вокруг с гордостью – мой парень, можно сказать – герой войны. Правда, никаких геройских орденов он не получил, ничего не получил, кроме ранения и депрессии после фронта. Тогда не до орденов было, все жили в тревоге, в беспокойстве, беженцы толпами на улицах, нескончаемые митинги на площади Свободы, народный фронт, оратор сменяет оратора, костры на площади, огромные массы беженцев, почти все прибыли в Баку, куда им еще приткнуться, повсеместная неразбериха, обострение межнациональных отношений в нашем некогда интернациональном городе, тяжелое положение на фронте, хорошо налаженная агитационная машина соседней республики, поливающая на весь мир грязью и клеветой нашу страну, землю которой она хочет присвоить, один бездарный руководитель сменяет другого... А у Эмина депрессия после фронта, легкая, слава Богу, но все равно справиться с этим было не очень просто, порой прятался от меня, плакал втайне, убегал, скрывался, когда начинался такой приступ, очень стыдился, не совсем понимая, что с ним, не понимая, что он не виноват, что это болезнь. Я уговаривала его обратиться к психиатру, отказывался: в те годы обращаться к психиатру, если ты не сумасшедший, считалось унижительным, несвойственным, так сказать, нашему менталитету, стыдно было, и он отказывался. Но не только потому, что стыдно было, он говорил, что сам справится, и в конце концов справился, прошло, слава Богу, прошла депрессия.

Но, Боже мой, что творилось в нашем городе, в городе, который мы так любили за его прекрасное неповторимое лицо, за его прекрасных граждан, в этом нашем любимом городе царили хаос и анархия... И этот хаос длился до тех пор, пока не пришел к власти настоящий лидер, крупный и опытный политический деятель, в котором уже давно назрела необходимость – Гейдар Алиев. Он пришел в тяжелейшее время для народа, приняв на себя всю тяжесть и ответственность в данной ситуации. Не удивляйтесь, я говорю почти как Эмин, говорю словами Эмина. Я теперь и говорю, и думаю, и смотрю на мир, на события глазами Эмина... Пришел лидер, и он первым делом добился прекращения огня на линии фронта, и стал выводить страну из состояния хаоса, выводить нашу республику из назревающей гражданской войны, которая готова была разразиться...

* * *

Как раз в то смутное, дикое время, в то время всеобщей свистопляски, пока в стране не было настоящего хозяина, Эмин пытался восстановиться на своем факультете, с которого он ушел, никого в Университете не предупредив. Конечно, по здравому размышлению, это было его упущение, но разве в то время, когда над нашей родиной нависла такая страшная опасность, можно было думать о подобных вещах? Восстановиться ему не удалось. Потом он рассказывал мне, что какой-то поганый мелкий чиновник в ответ на его заявление о восстановлении в Университете, ехидно заявил:

«Надо было оставаться и доучиваться, как все нормальные студенты, а не строить из себя героя, спасателя отечества. И без тебя спасателей хватает. Уж не думал ли ты, что после фронта тебя встретят с раскрытыми объятиями здесь и сразу вручат диплом? Ты на это и рассчитывал, да? Но просчитался... Здесь тебе не полуграмотные твои товарищи сидят.» Эмин вспылал, наговорил ему лишнего (после фронта у него сильно расшатались нервы и он часто не мог сладить с собой, не мог держать себя в руках), ударил его по лицу за неуважительное высказывание в адрес его боевых товарищей, расквасив чиновнику морду в кровь. Этот подонок тут же стусевался, спрятался за спину своей секретарши и завизжал, как свинья: «Не я посылаю тебя на фронт, не мое дело!». Короче, после такого, как говорится, прокола, Эмину, конечно, не удалось восстановиться на нашем факультете; хорошо еще, что эта мелкая мразь не подала на него в суд за рукоприкладство, видимо, понимая, что какие в то смутное время суды, сколько ждать придется, сколько нервов потрепать... Потому и не подал, конечно, а не из чувства жалости или понимания, которые он себе приписывал... У нас, на факультете девочек было очень мало, в основном – ребята, считалось – не женская специальность юридический факультет, (тут папа тоже с далеко идущей целью уговорил меня поступать на юрфак, говорил: сына у меня нет, так пусть дочь мне заменит сына, получит хорошую, мужскую профессию и станет мне в жизни опорой. Уж чего он ждал от меня в дальнейшем – не пойму) и мне потому многое прощалось, хотя училась я вроде бы неплохо. Я пошла ходатайствовать к декану, но опять же безрезультатно. Эмин сам себе навредил, ударив того чиновника. А тот уже всем уши прожужжал в Университете, что какой-то хулиган, избивший его, хочет восстановиться, чтобы продолжить учебу. И всех успел восстановить против Эмина...

Ну, что вам еще рассказать? Все-таки, время шло, хоть и смутное, тревожное было оно в ту пору, годы шли, и надо было что-то решать насчет нас с Эмином... Наши мамы были не против нашего союза... А Кязым...

Отец вдруг пригласил Эмина к нам, мы было обрадовались и многого ждали от этого визита, уже думали, что папа назначит день обручения, или хотя бы день согласия, которое у нас обычно бывает до официального обручения, но он задумал, оказывается, совсем не то...

Глава 5

Эмин

Он пригласил меня в кабинет, и мы прошли вместе с Нарой, но дочь он попросил оставить нас.

– Чем занимаешься? – без дальних слов спросил Кязым.

Так звали отца Нары, и так она его звала, когда была сердита на него, и в последнее время она, кажется, почти постоянно его называла по имени. Я видел его впервые, и он мне не понравился, не нравился давно заочно, и не нравился сейчас, когда я его впервые увидел, как говорится, воочию, хотя я все время мысленно уговаривал себя быть объективным по отношению к нему, все-таки, он – отец Нармины, моей любимой девушки. Но быть объективным не получалось. Субъективность не позволяла. Однако, неприязнь, видимо, у нас была взаимной. Он хмуро, даже не пытаясь изобразить на лице подобие гостеприимной улыбки, оглядел меня с ног до головы и, кажется, остался недоволен осмотром. И тут я решил позлить его, немного повалить дурака, хотя это, я вполне сознавал, было небезопасно: и без того жидкие, не укрепившиеся отношения могли вообще растечься лужей и улетучиться. Но дьявол уже проснулся во мне. Его вопрос застал меня, когда я разглядывал довольно приличную репродукцию картины Ван-Гога «Подсолнухи» в натуральную величину и в дорогой раме.

– Да вот, – сказал я, запоздало отвечая на его вопрос, поднося кулак к глазу и глядя на картину, будто через подзорную трубу, как это делают специалисты, – Пытаюсь определить, это подлинник, или... Нет, вроде, непохож...

Он проследил за моим взглядом и уставился на меня своими выпученными совиными глазами.

– Ты ей не пара, – сказал он.

Видимо, у него была такая манера: говорить в лоб, без лишних слов, без обиняков. Впрочем, не знаю. Не думаю, что со всеми он мог бы себе это позволить. Со мной мог. И потому, было видно, позволял с удовольствием, любуясь собой и гордясь своей прямолинейностью. И говорил так, чтобы я не забывал свое место...

Квартира у них была, конечно, шикарная, и кабинет его напоминал музей, где были собраны разные редкие и дорогие диковинки. Жили они в старинном архитектурном престижном доме на самом престижном месте города, мебель и ковры дорогие, и видимо, зазывая меня к себе, он рассчитывал, что я оробею, столкнувшись с такой яркой, режущей глаз роскошью, и пойму, наконец, разницу между их и моей жизнью. А сам не мог понять такой простой вещи, что меня в их доме интересует и волнует только одно – Нармина, и мне начхать на все остальное, не исключая и дорогую репродукцию «Подсолнухов».

– Садись, – сказал Кязым, не глядя в мою сторону.

– Я уже сижу, – сказал я.

И правда, мне надоело ждать приглашения и маячить посреди кабинета, как наказанный школьник, и я сел буквально за секунду до того, как он сказал.

– Ты, говорят, участвовал в боях?

– Участвовал.

– А тебя как, посылали, мобилизовали, кто-то просил, требовал?

– Нет, я сам пошел. Добровольцем.

Он помолчал, видимо, осмысливая мой ответ, хотя, насколько я знаю, он обо мне был отлично осведомлен.

– Ты хочешь жениться на моей дочери...

Это не прозвучало, как вопрос, но я тут же решил ответить, перебив его.

– Да!

– Я не закончил, – он предупреждающе вытянул руку и поднял перед моим лицом указательный палец, украшенный перстнем с большим сверкающим бриллиантом. Показать, что ли хотел? Я посмотрел на камень. Говорил он медленно, солидно (потому и перебить его было нетрудно), хорошо поставленным, жирным голосом.

– Ты хочешь жениться на моей дочери, – начал он заново нарочито терпеливым тоном, как говорят с идиотами, и тут внес существенную поправку, – На моей единственной дочери, и в то же время идешь на войну, рискуешь жизнью, хотя никто тебя не просил об этом, никто не отправлял, не мобилизовал, идешь добровольцем... Как это понимать?

Я немного выждал паузу, взглянул на него, на обстановку в кабинете, на фальшивого Ван-Гога.

– Боюсь, что не смогу вам объяснить, – сказал я, стараясь придать голосу как можно больше мягкости и вежливости.

– Это меня не удивляет, – сказал он и долго, пристально посмотрел на меня, – И часто с тобой происходят необъяснимые вещи?

– Бывает, – сказал я.

Теперь я ответил ему тем же долгим взглядом, смеясь в душе над его непоколебимой уверенностью, что он может решать за нас наши судьбы, что может решать мою судьбу.

– Ты на войне был, кажется, контужен? – спросил он с некоторым участием в голосе.

– Нет, только ранен, – сказал я.

– Так, так, – раздумчиво проговорил он, – Тебя выгнали из Университета?

– Не восстановили, – уточнил я.

Он некоторое время молчал, что-то усиленно обдумывая и, кажется, даже на минуту забыл о моем присутствии здесь, в кресле напротив него. А когда заговорил, у него был совершенно другой тон, добрый, участливый.

– Я много хорошего слышал о твоём отце, – проговорил он, – Он был, как утверждают, вполне приличный, нормальный человек... В кого ты такой?

Разговор с ним о моем отце был мне крайне неприятен, и я промолчал, не отвечая на его вопрос. Тем более, что и вопрос был риторический.

– Послушай, у меня есть для тебя деловое предложение, – сказал он после паузы, радостно хлопнув в ладоши, как будто предложение это уже стало реальностью, – Просто мне сейчас пришло в голову... В университете тебя не восстановили, но высшее образование, все-таки получать надо, ты согласен?

– Да, – осторожно ответил я, не понимая еще какую игру он затеял, но чувствуя нутром – что-то затеял, и мне следует быть настороже.

– Ты же не можешь оставаться без высшего образования, правда? Надо становиться специалистом, в дальнейшем зарабатывать, кормить семью, ты согласен?

– Да, – сказал я.

Что-то он часто стал обращаться ко мне за согласием, с чего бы это?

– Так вот, у меня к тебе деловое предложение: поступить в Москве, в Российскую Таможенную Академию... У меня там хороший знакомый, поможет...

Я опешил.

– А почему именно в Таможенную Академию?

– А почему нет? – сказал он, – Это близко к той профессии, которую ты хотел приобрести, тому, чему ты учился, точнее – недоучился, да и потом – почетно... Будешь хорошо зарабатывать. Семью кормить ведь придется. Не забывай...

Это упоминание о будущей семье согрело мне сердце, и я растаял.

Он подошел к бару, достал два вызывающе искрящихся бокала, бутылку виски, поставил на столик, плеснул в бокалы по глотку, поднял свой бокал и сказал:

– Это хорошее предложение, подумай... Возьми бокал, выпьем за будущего таможенника. Мудрецы говорили: вернуться с пол дороги зла, уже добро...

– Что вы имеете в виду? – не понял я.

– Я имею в виду твое незаконченное обучение.

– Чем же профессия юриста – зло?

– Нет, я в том смысле, что эти негодяи не восстановили же тебя, а ты им на зло возьмешь и поступишь аж в самой Москве, где учатся студенты со всего мира, пусть знают!.. Да, да!.. Тебе следует учиться на таможенника, – слишком уж подозрительно, настораживающе-прямолинейно и безапелляционно заявил он, – Спасать отечество от всякой заразы, которую нам заносят с чужбины.

Слова эти были явно не из его репертуара; стоило немного с ним поговорить, как становилось ясно, что патриотическими идеями он не страдает, и потому мне показалось, что он немного – и даже намеренно топорно – подыгрывает мне, моим убеждениям, и даже немного издевается при этом. Мне стало неприятно, я осторожно поставил бокал на инкрустированный столик, до которого боязно было дотронуться, до того он выглядел хрупким (как и бокал, кстати), и сухо ответил ему:

– Я подумаю.

– Ты считаешь, что это плохая профессия?

– Нет, не считаю.

– Ну вот, видишь. Ведь все равно надо кем-то стать...

– Ну, а как же?.. – начал я и не договорил, надеясь, что он не забыл главную причину, по которой я пришел сюда.

Он подождал, чтобы я закончил фразу, не дождался и сказал:

– Ты думаешь, что в наше время и в моем кругу найдется болван, готовый отдать дочь за парня без высшего образования, без хорошей профессии? Это смешно...

Сказать по правде, этот вопрос меня тоже мучил, и я был в какой-то степени готов, что он обязательно возникнет при разговоре, и потому нерешительно сказал:

– Но ведь можно и... так сказать, параллельно... Не обязательно для этого ждать, чтобы тебе выдали диплом...

– Посмотрим, – сказал он, – Жизнь покажет – параллельно или перпендикулярно. Ты почему не выпил?

Я машинально отпил глоток из бокала, поставил его на столик и под пристальным взглядом Кязыма, кивнув ему, покинул кабинет в растрепанных чувствах, понимая только одно: ни к чему конкретному насчет наших отношений с Нарой мы с её отцом не пришли.

* * *

– Ну, что он сказал? – подступила ко мне Нара в волнении, едва я вышел из кабинета.

– А чего ты ждала? – спросил я.

– Ну, когда?

– Что когда?

– Ну, перестань... Когда?.. Ну, свадьба, ну, я не знаю, обручение, что ли... Когда сватов будете присылать?

– Я смотрю, вам, девушка не терпится замуж выйти.

– Хватит дурачиться, говори!

– Он предложил мне стать таможенником.

– Та... Таможенником?.. Я сказала – хватит дурачиться, – уже всерьез рассердилась она.

– Я серьезно.

Она немного помолчала, осмысливая сказанное мной.

– Но при чем тут таможенник? – удивленно спросила она, – Он не говорил про обручение?

– Нет. Но сказал: когда у тебя будет семья, тебе необходимо будет содержать её, и потому ты должен хорошо зарабатывать.

– Это все?

– Да.

Она удрученно помолчала.

– Я не понимаю.

– Я тоже не совсем. Но если это нужно, чтобы на тебе жениться, то я готов. Ради тебя я готов на все.

– Я все равно ничего не могу понять, – сказала Нара.

– Причем, он сказал, если хочешь жениться на моей единственной дочери, ты должен поступить и учиться именно в Москве, там ты получишь настоящее высшее образование, не то, что здесь. Так он сказал... – Я пожал плечами, чтобы быть солидарным с Нарой в непонимании этого странного заявления пожилого мужчины.

– Мне понравилось то место, где «если хочешь жениться на моей единственной дочери», – сказала Нара, – Остальное я не поняла.

– Мне это место тоже очень понравилось, – сказал я, – Хочешь, мы выйдем, прогуляемся?

После безрезультатного, неряшливого разговора с отцом Нармины, обстановка их квартиры стала давить на меня, мне захотелось поскорее покинуть их дом, вытащить отсюда Нармину; мне казалось, что ей тоже стало трудно дышать здесь.

– Нет, – сказала она, – Сейчас я должна выяснить все про вашу беседу. Поговорю с отцом.

– Бог в помощь, сударыня. Отпускаете меня?

– С болью сердечной.

Я привлек её к себе, быстро поцеловал, пока в прихожую никто не вышел, и покинул негостеприимный дом, в котором жил дорогой мне человек...

Глава 6

Нармина

Так мы с ним в тот день расстались. Я не была против того, чтобы он работал именно в таможене. Где бы ни работал Эмин, я не сомневалась, что он трудился бы честно, добросовестно, но я не понимала, зачем это нужно было отцу. У отца к тому времени было два крупных магазина, оба в хорошем месте, как он говорил – в «ходовом месте», один в самом центре, на самой оживленной улице города; дела у него шли отлично, бизнес процветал, и казалось бы, все его деловые контакты были далеки от таможни... Хотя, кто знает, я в этом не разбираюсь, а он никогда на эту тему не разговаривал дома. Но когда я прямо спросила его об этом, он только сказал мне:

– Если тебе суждено, несмотря на мой запрет, все-таки выйти за этого парня, я бы хотел, чтобы он хотя бы научился зарабатывать, чтобы содержать будущую семью... А то кто он сейчас? Студент-недоучка... Это смешно... То есть, было бы смешно, если бы речь не шла о моем будущем зяте и моей дочери... А на таможене поначалу я помогу, выбьется в люди, зарабатывать станет... Я буду опекать его...

– Он вполне самостоятельный человек, – сказала я, – Сражался на войне. Его не надо опекать.

– Не надо опекать!? – отец снисходительно, как на пятилетнего ребенка посмотрел на меня, будто я сказала глупость, – Ты посмотри на него: у него на лбу написано, что он пожизненно будет белой вороной... Его сожрут, сожрут, говорю тебе... Так что, придется контролировать все его шаги...

– Тебе все кажется, что люди обязательно должны жрать друг друга! – запальчиво воскликнула я, повысив голос, раздраженная тем, что мы не можем понять друг друга.

– Это так и есть, – спокойно ответил Кязым.

Когда между нами назревает скандал и непонимание, я и вслух и про себя называю его по имени. Он знает эту мою привычку и беззлобно посмеивается над ней.

– В таком случае, – сказала я, – Его могут сожрать на любой работе, в том числе и на таможене.

– Это вряд ли, – сказал Кязым с несколько загадочным видом, который я не совсем поняла, и потому решила уточнить.

– Почему? – спросила я.

– Я об этом позабочусь.

– Ты так же мог бы позаботиться и помочь ему с восстановлением в Университете, – резонно заметила я и похвалила себя за сообразительность, которая обычно мне отказывает, когда я нервничаю в разговоре с отцом.

– Давай закроем эту тему, – сказал Кязым, – Я отправляю его учиться в Москву, он получит блестящее образование, и тогда я буду спокоен за ваше будущее.

Последняя фраза мне очень понравилась, и уже не захотелось спорить и портить впечатление от неё. Я промолчала. Папа подошел ко мне и поцеловал в лоб.

– В последнее время, я замечаю, мы стали отдаляться друг от друга, – сказал он, улыбаясь мягкой, виноватой улыбкой, – Это меня огорчает.

Я молчала.

– Мама часто на твоей стороне, – продолжал отец, – И с ней ты более близка... Но хотелось бы, чтобы она более рационально, более ответственно относилась к твоему будущему, о котором я, поверь мне, думаю гораздо больше, чем вы с мамой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.